

Иосиф Бродский до «Рождественского романса»

Значение Бродского для русской культуры невозможно переоценить. Но Бродскому — по мнению известного израильского писателя и историка **Михаила Хейфеца** — принадлежит значительное место и в политической жизни России.

Беседу с Михаилом Хейфецем ведет **Джонатан Молдаванов**.

— С 1974 по 1980 год вы отбывали лагеря и ссылку за написание предисловия к самиздатскому собранию сочинений Бродского. О чем был этот роковой в вашей жизни текст?

— Статья моя называлась «Иосиф Бродский и наше поколение». Суть ее вот в чем. Иосиф Бродский казался поэтом демонстративно аполитичным, я же исходил из того, что действительно большой поэт всегда дышит воздухом своей эпохи, живет настроениями и токами современников, хочет он того или нет, и что это относится и к Бродскому. По-моему, Бродский на самом деле был политическим поэтом, хотя он хотел этого избежать...

— Не кажется ли вам, что он эстетически зависел от этой советской России по принципу отталкивания, притом даже в эмиграции?

— Наверное, так... хотя я не могу с уверенностью этого сказать. Но меня сейчас заинтересовало другое. Я взглянул на последние сборники Бродского — и вдруг заметил, что они всегда начинаются обычно с «Рождественского романса», а все стихи, которые были написаны до этого, не включены, то есть сам поэт как бы не считал их достойными, а может быть — и стыдился...

— Но ведь обыкновенно не он сам составлял свои сборники, а почти всегда перепоручал эту работу кому-то другому...

— Да, но он, вне всякого сомнения, утверждал эту работу. Так не бывает, чтобы поэт перепоручал эту работу другому и не интересовался результатом. Он давал, конечно, какие-то указания... Так вот, первые его стихи, те, которые его и выделили, которые его сделали страшно популярным, — они, вероятно, позже потому и не устраивали его, что они были все пропитаны настроениями его эпохи, его поколения, людей, которые были ему близки. Возьмем хотя бы «Еврейское кладбище», которое не включено ни в один последний сборник. А ведь это стихотворение было тогда необыкновенно популярным. «Пилигримы» — тоже. Многие стихи того времени выкинуты и сейчас практически неизвестны...

— На самом деле все это тоже перепечатывается, но, действительно, не так часто и не так охотно...

— То-то и оно, что не так охотно... И мне захотелось как раз восстановить это время и выяснить, как возник феномен Бродского, почему он получил такую невероятную популярность. Я пытаюсь объяснить это следующим образом. Мы, шестидесятники, были, по сути, «религиозным» поколением. Сейчас, когда я наблюдаю своих соседей-хасидов в Израиле, я это очень четко вижу. Это одинаковость одежды и обуви, поведения и привычек, одинаковость воззрений, убежденность в том, что ты владеешь наукой наук, последней философией, которая открывает все тайны. Бродский был интересен тем, что вдруг подверг эти наши стандартные представления неожиданной критике изнутри, взрыву изнутри. Он нам открыл, что наша «религиозность» сомнительна...

— А «религиозность» эта состояла, в сущности, в том простом положении, что большевики неправы?..

— Или правы. Одно из двух: или правы, или неправы. А он вдруг сказал: существуют пилиг-

римы, которые просто идут. Я не берусь судить, может быть, в этом стихотворении поэтически ничего особенного нет, но для нас это было открытием, потому что мы вдруг увидели, что существуют люди, которые живут своей жизнью, не той и не этой, не за и не против. Мы увидели, что для человека, который пишет о еврейском кладбище, все равны: революционеры и бухгалтеры, мещане и артисты, они все упокоились на этом кладбище, все равны перед вечностью.

То есть он открывал нам те вещи, которые, может быть, сейчас элементарны и которых он, пожалуй, и стыдился потом как неких тривиальностей, ведь в них не было каких-то особых находок, метафор и тому подобного...

Я допускаю это, но на самом деле эти стихи взрывали сознание поколения, они действительно становились событием. Он был первым, кто нам открыл, что мир не делится на коммунистов и антикоммунистов. И в этом, по моему глубоко убеждению, была его роль. Именно поэтому он был так значителен. И я подозреваю, что ленинградское ГБ поэтому-то и выделило его.

Оно никак не могло понять, где у него антисоветизм. Оно искало и думало, что это очень глубоко запрятано — наверное, уж очень он хитер! И таким образом оно его втолкнуло в политику вопреки его собственным намерениям, вопреки его субъективному желанию от этого уйти. И оно утвердило его функцию.

Мне кажется, было бы очень интересно исследовать того Бродского, который сейчас мало известен: Бродского до «Рождественского романса», Бродского самых первых стихов, которые действительно сделали его имя очень известным в ленинградской среде.

Он был первым и прокладывал дорогу всем остальным. Нынешнему поколению, по-моему, непонятно, насколько нам было сложно прийти к элементарным сегодня истинам. Это — как для религиозного человека выломиться из религии и уйти в светскую жизнь.

На самом деле это была катастрофа сознания. И Бродский осуществил эту катастрофу. На этом выломались и выделились. И он сам, и наше поколение.

Иерусалим

Майские дни памяти Иосифа Бродского в Петербурге

З а три майских дня (24-26) в Петербурге прошло три (известных мне) мероприятия памяти Иосифа Бродского. Самое значительное — III международная конференция, посвященная творчеству поэта. Затем, тоже в день его рождения, — действие в Интерьерном театре на Невском, под руководством В.Кривулина и под специфическим девизом «Бродский — Данте». Оказывается, оба поэта родились и умерли в одни и те же месяцы, в возрасте 55 лет, и были изгнаны из своих отечеств тоже в одинаковом возрасте. Ну, простим организаторам действия сей компаративистский изыск. Было чтение стихов (иногда отвратительных и едва ли не кошунственных для памяти достаточно строгого ценителя поэзии),

игра на арфе и т.д. И третье трогательное событие — в доме Пушкина на Мойке, в рамках авторской программы Евгения Белодубровского «Былое и думы», вечер «Пейзаж с наводнением», приуроченный к 25-летию отъезда Бродского из России, длившийся, как вагнеровская опера, около четырех часов. Пафос вечера: как я впервые встретился с Бродским и что я при этом почувствовал. Также с музыкой: Бах, Гайдн, Сергей Слонимский...

Только теперь, отойдя от чисто физической усталости после трех дней, понимаешь поначалу смущавшую строгость ведущего конференции (он же открывал последний вечер на Мойке)

Якова Гордина, ни на минуту не забывавшего о регламенте... Он и закрыл конференцию словами: «Я восхищен выносливостью тех, кто досидел до конца» (последний день конференции длился десять часов). Знать бы еще, зачем надо было испытывать эту выносливость... Я говорю об этом не от утомленной досады, а потому, что не согласен с мыслью из проинизанной несколько трамвайной этикой статьи известного эссеиста и переводчика В.Топорова «Похороны Гулливера» («Постскриптум», №2, 1997) — о трагедии Бродского: «И все же случай Бродского уникален. Уникален, не в последней очереди, и потому, что сомнительная сакрализация и заведомая мифологизация (и та и другая зиждутся и на завывании, и на понижении одновременно) начались при жизни поэта и миновали станцию Смерть, даже не сбавив (но и не увеличив) скорости, — миновали так, словно этой станции не было вовсе».

Нет, трагедия (точнее драма), даже смертная, Иосифа Бродского заключается не в этих эфемерных и ненаглядных вещах, а в том, что человек, никогда не умевший быть скучным, заставляет говорить о себе скучно. А может быть, это драма филологии? Науки, что бы ни говорил филолог Ницше, не веселой? Драма гуманитарных конференций? Не случайно ведь в какой-то момент в коридоре журнала «Звезда» оказалось больше народу, чем в зале, где читался какой-то доклад...

Но иронию (и не вполне уместную) в сторону. О деятельности «Звезды» по поддержке, скажем так, имени и явления Бродского в чистоте очень хорошо сказал А.Генис: ««Звезда» не превращает любовь к Бродскому в культ Бродского». Скажем здесь же о ценнейшем специальном номере журнала (№1, 1997) «Неизвестный Бродский», где было впервые в России опубликовано несколько его эссе, в том числе и из последней прозаической книги «О скорби и разуме». (А первым, если не ошибаюсь, периодическим изданием, сделавшим специальный номер памяти Бродского, было «Литературное обозрение» — №3, 1996). Под «маркой» «Звезды» начинает выходить новое, семитомное собрание сочинений И.Бродского. Наконец — и это едва ли не основное — главному редактору журнала Я.Гордину в самом скором времени будут переданы исключительные права на публикацию произве-

дений поэта в России (наследие попадет в надежные руки). На конференции, кстати, развернулась целая дискуссия о координации интересов наследников Бродского с интересами читателей (а американское и российское авторское право заметно разнятся), тем более, что на ней присутствовала душеприказчица Бродского Энн Шелберг.

Усилиями «Звезды» же (при материальной поддержке фонда Сороса) была организована эта конференция (организаторы — Яков Гордин и Андрей Арьев). О ее смысле и значении с драматической точностью сказал Я.Гордин: «Отличие III конференции по Бродскому от двух предыдущих в том, что она проходит после его смерти. Во время первых конференций поэт был еще жив, перспективы были открыты. Сейчас же грандиозное культурное явление Иосиф Бродский, по всей видимости, завершено... Есть какая-то ужасная законченность в осознании этого факта». Это не означает, продолжал он, завершённости полноты его постижения. Многие еще не то чтобы не изучено, но не опубликовано. (Например, фундаментальная поэма «Столетняя война», которую планировали напечатать в упомянутом специальном номере «Звезды», но замысел не осуществился по воле наследников Бродского.) Во всяком случае, по словам Гордина, эта конференция — некий рубеж в изучении того гигантского наследия, которое оставил Бродский.

На III конференцию было приглашено много литературных знаменитостей. Была даже нелитературная знаменитость — М.Козаков, уже проведший в московском Политехническом музее пару вечеров памяти Бродского. Будучи все же одним из лучших чтецов стихов среди актеров, он сумел в Политехническом до неузнаваемости испортить великолепную «Пяцца Маттеи», а открывая конференцию и задавая ей «эмоциональный тон», делился опытом, как читать стихи Бродского, чтобы зал не уснул...

На конференции за два дня прозвучало около 30 докладов (еще раз о выносливости!), не считая более или менее пространственных выступлений в дискуссиях. Соответственно, освоение земли Иосифа Бродского было скорее экстенсивным, чем интенсивным. Диапазон тем был донельзя широк — от ненавязчивых (или навязчивых) воспоминаний о приятельстве с поэтом до тонких музыкаловедческих рефлексий о «Дидоне и Энее» Перселла в творчестве Бродского. Перселл — почему бы и нет, но вот когда другой докладчик в течение двадцати минут доказывает связь метафизики Бродского с философией французского мыслителя Батая (которого поэт, как законно предположил докладчик, может быть, и не читал!) на примере оригинальной идеи близости эроса и смерти или когда в прениях некто утверждает, что без структурализма и писаний Дериды Бродский вряд ли пришел бы к мысли, что поэт — это инструмент в руках языка, а не наоборот, то думаешь: а не объявить ли на пару лет мораторий на штудии по Иосифу Бродскому?

Благо, были на конференции и другие выступления, способные заечь и мысль, и сердце: Леонида Баткина («О смысле отчаяния в мироощущении и поэтике Бродского»), Сергея Гандлевского (пафос выступления: биография, искусство поведения как эстетический, артистический феномен), голландского русиста и переводчика Кейса Верхеяла («Спуститься ниже мира живых» — о прозе поэта)... Нельзя не сказать о докладе Эры Коробовой («Бродский — автопортрет в пейзаже Петербурга»), организовавшей прямо в зале конференции первую выставку графики Бродского.

Мне, к сожалению, не удалось побывать на выступлении Валентины Полухиной («Английский Бродский»), известнейшей славистки, неустанно популяризирующей на Западе не только поэзию Бродского, но и современную русскую поэзию вообще (и, кстати, материально ей помогающей). К слову, в типографии уже лежит тираж ее давно ожидаемой книги интервью «Бродский глазами современников».

Я извиняюсь перед докладчиками, чьи имена и темы здесь не были названы. Повторяю, их было около тридцати. Эта конференция действительно требует подробного разбора, и лучше пусть это будет сделано тогда, когда выйдут в свет (а такое намерение у «Звезды» есть) материалы всех трех международных конференций.

МАНУК ЖАЖОЯН

Санкт-Петербург

Письменный стол И.Бродского в день его отъезда в эмиграцию. 4 июня 1972. Фото М.Мильчика.